

И. А. МАЛЬКОВСКАЯ

Эпистемы обучающего процесса

На проблемы современного общественного развития, происходящего в России под знаком «товарного фетишизма», стоит внимательно посмотреть с позиций «обучающего процесса», акцентирующего в наше время либо клиповое мышление, либо рефлексивный анализ, либо принимающего во внимание и то и другое. «Обучающий процесс» еще с античных времен предполагал развитие двух «эпистем»: теоретической и практической. Если для теоретической эпистемы познание являлось самоцелью («знание ради знания»), то для практической эпистемы получение знания было необходимо для реализации идеала, проявляющегося в поведении человека или же в производстве продукта.

В области практических и производительных «наук» цель мышления не познание, но поступки, деятельность (*praxis*), точнее, нахождение правильной идеи и верного основания для целесообразного действия в определенной ситуации и для производства того или иного продукта. Аристотель считал, что знание тем ценнее, чем более оно теоретично и не связано с получением непосредственной выгоды. Поэтому «умозрительные» науки, согласно Аристотелю, всегда были выше создающих, а теоретическая (умозрительная) деятельность выше практической, например, политической.

Античная *episteme* была ориентирована не на использование знаний в практических целях, а на познание всеобщего порядка вещей, на осмысление общественных отношений и назначения гражданина полиса, на воспитание граждан полиса и регулирование их взаимоотношений и поведения, на достижение этического идеала. «Словом, античная *episteme* есть в первую очередь философия, предметом которой являются всеоб-

щие, предельные основания («первые начала и причины») бытия и познания. В качестве руководящей из

наук она определяет место человека в мире и направление его деятельности в нем; так она «познает цель, ради которой надлежит действовать...» [Met. 12, 982, b. 5].

Когда речь заходит о современной эпистеме обучающего процесса, становится очевидной ее односторонность. Акцент явно сдвинут в область практического знания. Отсюда вытекает и принципиальная направленность обучения, сосредоточенная на обслуживании движения товаров и знаков. «Клиповое мышление» для такого рода обслуживания вполне подходит. В области экономического знания явный перевес на стороне менеджмента и маркетинга, микроэкономических исследований. Специалисты в области социальных дисциплин ориентировались на преподавание пиара (управление общественными отношениями), политических технологий, коммуникационного менеджмента и т. д.

Обращение к «предельным основаниям», связанным с осмыслением современных социальных отношений, назначения гражданина, его воспитания и достижения этического идеала (не социального, а этического, связанного с развитием духовно-нравственных сил человека, совершенствованием его жизни, представлениями о добре и зле и т. д.), остается не более как «декларированным намерением». Соотносясь с системой науки, т. е. теоретической эпистемы, практические виды деятельности в идеале должны были бы исходить из общих целеполагающих принципов системы, которую они обслуживают. Вопрос о «системе» является на самом деле ключевым. С античным полисом — все ясно. И теоретическая, и практическая эпистемы

служили его целям, несмотря на глубокие столкновения носителей этих эпистем. С современным обществом дело обстоит сложнее. Происходящие процессы размывания государственности, ставящие под сомнение некогда незыблемый суверенитет, ведут к формированию новых открытых социальных систем и подсистем, стремящихся друг к другу. Примером такой надгосударственной системы может служить Европейский Союз, активно вырабатывающий целевые программы в области образования, кадровой, экономической, финансовой и другой политики. Аналогичные объединения формируются в азиатско-тихоокеанском регионе, Латинской Америке и в других частях света. Необходимость подобных процессов чувствуют и политические лидеры СНГ. Почему мы это подчеркиваем в контексте эпистем обучающего процесса?

Дело в том, что акцент на практическую эпистему объективно предполагает ее обслуживающую роль по отношению к определенной теоретической эпистеме, существующей за границами (в прямом и переносном смысле) прежней социальной системы. Типы мышления и практической деятельности, обслуживающие товарные отношения в их вещной и знаковой форме, являются вторичными по отношению к теоретическому знанию, обуславливающему такой «поворот вещей». Разумеется, можно задать вопрос: почему же критика товарного фетишизма, данная в свое время марксизмом, не возымела своего действенного импульса? Ведь эта критика, по сути, «сопровождала» фетиш товара чуть ли не с его рождения? Но тут, возможно, мы сильно заблуждаемся, полагая, что стадия «товарной паранойи», как некогда сексуальной революции, во всех индустриальных и постиндустриальных обществах одна и та же. Запад не только на протяжении всего XX века критически концептуализировал сущность товарного фетишизма и массового общества, но и активно осваивал управленческий ресурс по отношению к такому обществу. Поэтому в наше время развитый экономически Запад получает от

товарного фетиша уже управленческий и властный дивиденд, отчетливо осознавая свои «эпистемологические» и практические преимущества по отношению к «бесцелевым» социальным образованиям.

В нашем обществе легко было с марксистских позиций критиковать товарный фетишизм, не имея товаров. Гораздо сложнее выработать критическую рефлексивную позицию к настоящему, прежде всего в массовом сознании, на основе обладания вещами или же стремления к этому обладанию. Но этого нельзя достичь вне целевых ориентиров, поскольку цены на товары, их стоимость определяются разными факторами. Цена товара определяется, с одной стороны, затратами труда, материалов, но в то же время целями и ценностями самого человека. Цели формируют ценности и цены на ресурсы.

Приведем злободневный пример. Почему российские курорты, которые могли в прежние времена обслуживать более 3 млн. человек, сегодня не конкурентоспособны и россияне предпочитают отдыхать за рубежом? Желая как можно быстрее обогатиться, отечественные «курортные нувориши» разного толка стремительно поднимают цены до уровня мировых. И тогда действительно получается, что рыбалка в Карелии без соответствующего сервиса и инфраструктуры стоит столько же, сколько в Финляндии; отдых в частном секторе на Курской косе дороже, чем в Голландии, и т. д. Цели же тех, кто вкусил запретную радость от общения с некогда закрытым миром и кого привлекает независимость от жадного отечественного сервиса, выливаются в другой набор ценностей. «Цели», подчиненные местечковым интересам якобы быстрой наживы, формируют хаотичную и неподдающуюся государственному регулированию политику современного российского туризма. Никаких «глобальных целей» у «нуворишей» нет. Да и у государства их до последнего времени тоже не было. А ведь для государства эта проблема уж совсем не новая!

Еще в начале XVI века ее поставил в своей известной работе «Государь» Н. Макиавелли.

вели. И, если вдуматься в его идеи сегодня, получается, что «макиавеллизм» не такое уж и зло. Дело вовсе не в любых средствах, которыми якобы можно воспользоваться для достижения власти. Похоже, средства никогда в истории особо добродетельными и не были. Дело в целях! И если эти цели — благие, например, столь актуальное в эпоху Макиавелли объединение Италии, национальная безопасность и другие столь же важные для всего общества процессы, то для таких «благих целей» можно применить и не столь уж изысканные средства. Думается, прав уж Б. Рассел, когда, характеризуя Макиавелли, писал о его политической честности в вопросах политического бесчестия.

Разработка теории взаимосвязи ресурсов, целей и цен (так называемые «объективно обусловленные оценки») была осуществлена в России академиком Л. В. Канторовичем, лауреатом Нобелевской премии. На Западе аналогичные вопросы исследовал Ян Тинберген — председатель комитета ООН по планированию развития, лауреат Нобелевской премии. Он обратил внимание на то, что дефицитность ресурсов определяется не только их реальной ограниченностью, но и целями, которые ставят перед собой общество, различные социальные группы и другие субъекты хозяйственной и политической деятельности. Его подход был основан на необходимости использования не рыночных, а так называемых теневых, или расчетных цен, которые зависят, в том числе, от целей субъектов, принимающих решения. Эти исследования сегодня лежат в анналах отечественной экономической науки, сосредоточенной на задачах управления без «целевых парадигм».

Между тем, указанные исследования проясняют действие ряда очевидных даже обывателю «несправедливостей», например, завышенного курса доллара, корпоративного сговора по поводу цен на бензин и т. п. Очевидно, что и валюта, и установленная цена на

бензин могут быть оценены не по их реальной покупательной способности, а по целям и интересам субъектов владения, т. е. тех социальных групп, которые контролируют значительную часть валютных и природных ресурсов и заинтересованы в существующем соотношении курсов валют и устанавливаемых ценах. В том или ином обществе реализуется определенная конструкция социальных договоренностей (вспомним трудные переговоры по соотношению доллара и евро) в соответствии с целями теневых и властных групп. Соответствующие цели воздействуют затем на тот или иной курс и цены.

Мы уже упоминали Аристотеля, который, говоря об изучении философией предельных оснований бытия и познания (предмете «теоретической эпистемы»), полагал, что именно эта наука «познает цель, ради которой надлежит действовать». Познание «цели» в границах современного теоретического знания позволяет под иным углом зрения посмотреть и на практику «созидающих наук» и на назначение наук теоретических. Рассматривая современное бытие как имманентную сферу знания и действия, авторы книги «Империя» Майкл Хардт и Антонио Негри пишут: «Единое бытие сильно тем, что оно дает импульс к реализации *«totam potentiam intellectum possibilis»* — всей мощи «возможного интеллекта»¹. Критическое осмысление действительности, осознание целей и ценностей, творящих мир вокруг нас, позволяет соединить знание и действие и мобилизовать импульс созидающей воли человека.

Читая курсы лекций по природе коммуникации, коммуникационному менеджменту, управлению общественными отношениями (более скромно, пиару), автор чувствует некое обязательство перед аудиторией выйти за рамки практических рекомендаций, дабы проблема целей и ценностей стала самоочевидной для рефлексии собственной позиции тех, кто завтра будет создавать «новый дом

¹ Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.: под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.

и мир» товарных услуг, жизненных предпочтений и благ. Важно осознать, что «переход к постсовременности и к Империи кладет конец... дроблению жизненного мира и непосредственно являет коммуникацию, производство и жизнь как одно сложное целое, как открытое поле конфликта. Теоретики и практики науки давно обращали внимание на этот узел противоречий, но сегодня вся рабочая сила (представляющая материальный и аматериальный, умственный и физический труд) вовлечена в борьбу за языковые смыслы и против колонизации коммуникативной общности капиталом. Все элементы разложения и эксплуатации навязываются нам посредством языковых и коммуникативных систем производства:

их разрушение на словах необходимо не менее, чем их разрушение на деле»¹. Это не вопрос критики идеологии, считают М. Хардт и А. Негри, это критики политической экономики и жизненного опыта. «Знание должно стать языковым действием, а философия — реальной репроприацией знания. Иными словами, знание и коммуникация должны конституировать жизнь путем борьбы»².

Анализируемые в современном социальном знании модели общества и альтернативы истории, есть эпистемы теоретического знания. Они обозначены, и в теоретическом знании (или теоретической эпистеме) важно актуализировать их смыслы, чтобы учащийся сам задумался над целями и ценностями, которые за этими смыслами скрываются.

¹ Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.: под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Практика, 2004.

² Там же.